

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В первые годы советской власти основными принципами судопроизводства были идеи верности революции. Это привело к неравному положению граждан перед судом и законом. Основным принципом демократического судопроизводства является принцип равенства граждан перед законом и судом. Соблюдение принципа равенства – важная задача современного Российского государства.

Ключевые слова: суд, революция, демократия, правовое государство.

S.E. Vorobyeva

PRINCIPLES OF THE SOVIET JUDICIAL SYSTEM'S FORMATION IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER

In the first years of Soviet power the basic principles of justice were the ideas of loyalty to the revolution. This led to unequal treatment of citizens before the court and the law. The basic principle of democratic justice is the principle of equality before the law and the court. The principle of equality is an important task of the modern Russian state.

Keywords: court, revolution, democracy, constitutional state.

Двадцать лет назад, после бурных политических событий 1991 года, прекращения существования СССР, на смену Союзу пришло новое государство – Российская Федерация. Россия объявила себя правопреемницей Советского Союза, однако создание нового государства потребовало формирования новой системы права. Итогом правовых изменений стало принятие на референдуме новой Конституции Российской Федерации.

Основной закон государства ввел в действие главные принципы судебного производства. К ним, как гласит Конституция, относятся: осуществление правосудия только судом, независимость судей, законность принимаемых ими решений, несменяемость судей, неприкосновенность судей. Также принципами суда и судопроизводства являются: открытое разбирательство дел во всех судах, состязательность и равноправие тяжущихся сторон, участие присяжных заседателей в случаях, установленных законом. Глава 2 Конституции «Права и свободы человека и гражданина» в статье 19 говорит, что «все равны перед законом и судом», что также относится к основополагающим принципам судопроизводства.

Установленные Конституцией РФ принципы суда и судопроизводства являются демократическими, соответствующими идее правового государства. Однако реальное претворение этих идей

на практике – задача куда более сложная, чем декларирование их.

События 2010 года, когда в Москве был убит футбольный фанат, показали, что между провозглашением нормативного правового акта и его реализацией, увы, лежит огромная пропасть. Этот год был особенно показательным в отношении претворения демократических принципов судопроизводства на практике. В средствах массовой информации активно обсуждались разные прецеденты, судебные решения по которым казались либо несправедливо мягкими, либо незаслуженно суровыми. Особенно всколыхнул общественное мнение эпизод, когда подозреваемые в убийстве футбольного болельщика были задержаны и тут же отпущены на свободу. Последовала бурная реакция общественности: было перекрыто движение на Ленинградском проспекте, произошли массовые акции, выступления, которые привели затем к разжиганию национальных конфликтов. Такая реакция, к которой оказались не готовы власти, наглядно показала, что, по мнению общественности, многие принципы правосудия выполняются зачастую только на бумаге, а идея равенства всех перед судом пока остается только идеалом, имеющим мало общего с реальной жизнью.

Насколько опасным может быть отступление от демократических принципов правосудия, показывают примеры из нашей истории.

Партия большевиков, пришедшая к власти в октябре 1917 года, ставила целью создание прин-

¹Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и общих гуманитарных дисциплин НОУ ВПО «Российский новый университет».

ципиально нового государства и, соответственно, новой судебной системы. Прежде чем построить новую структуру суда и судопроизводства, большевики упразднили царскую систему правосудия.

22 ноября 1917 года В.И. Ленин подписал Декрет о суде № 1, которым старая судебная система была упразднена. Были упразднены все существовавшие в России суды, включая окружные, судебные палаты и Правительствующий сенат со всеми департаментами, военные, морские и коммерческие суды. Было приостановлено действие мировых судов. Также Декрет постановил упразднить институты судебных следователей, прокуратуры и адвокатуры. Кроме того, Декрет предписывал отменить все законы России, которые противоречили декретам ВЦИК, а также партийным программам большевиков и эсеров. Согласно Декрету, приговоры местных (народных) судов стали считаться окончательными и апелляциям обжалованию не подлежащими. Допускалась лишь кассационная жалоба, которую предположительно должен был рассматривать съезд местных судей. Однако никаких указаний о порядке созыва и задачах такого съезда в Декрете не содержалось.

Декрет о суде № 2 расширил понимание порядка обжалования судебных решений. Но при этом документ предусматривал ограничение права подачи кассационной жалобы лишь случаями, когда приговор суда был «явно несправедлив». Что интересно, жалоба поступала на рассмотрение того же суда, чьи действия пытался оспорить осужденный.

Декреты о суде, принятые большевистским руководством страны, официально запрещали даже ссылаться на источники права старой России. Основным новым принципом правосудия было объявлено революционное сознание, или «революционная совесть» судей.

Осуществление правосудия посредством революционного сознания было в определенной степени вынужденной мерой: большевики, придя к власти, строили новую систему государственного управления и постепенно создавали свою новую систему права. В период Гражданской войны четкого уголовного законодательства еще не было создано, а старые нормы уже были отменены.

Кроме функции заполнения пробела в правовом поле идея осуществления правосудия через революционное правосознание выполняла важную идеологическую роль. Изначально советское право строилось как право «неписаное», а установленные государством формальные нормы права понимались как элементы права буржуазного, то есть чуждого новому государству. Популярны были идеи о том, что судьями должны быть «рабо-

чие от станка, не искушенные в юридических тонкостях». Именно такие судьи ближе всех подошли бы к истинному пониманию революционного правосознания.

На практике идея первичности революционного правосознания в осуществлении правосудия приводила к негативным результатам. Часто суды в разных районах страны выносили разные приговоры за идентичные преступления. При определении вины человека в судебной практике важную роль играло его социальное положение, принадлежность к определенному классу.

Документы периода Гражданской войны наглядно демонстрируют действие революционного правосознания в осуществлении правосудия. Например, в отчете Владимирского губернского отдела юстиции за 1918 г. говорилось, что «новое судопроизводство отличается необыкновенной простотой, и опыт показал, что для народных судей вообще не требуется глубоких юридических знаний, требуется лишь одно общее ознакомление с законодательством Советской власти и глубокая преданность рабоче-крестьянскому правительству». Подобные же идеи господствовали и в Народном комиссариате юстиции РСФСР, который в декабре 1918 г. отмечал, что «для подготовки советских судей существование юридических факультетов при университетах представляется совершенно излишним».

По существу, в первые месяцы существования Советской власти местные суды становились не столько органами правосудия, сколько органами политической борьбы с классовым врагом. В продолжение этой идеи Декрет о суде № 3 вообще снимал возможность подачи кассационной жалобы и предусматривал повсеместное создание революционных трибуналов.

Полномочия революционных трибуналов определялись инструкцией Наркомата юстиции «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний». Ведению трибуналов подлежали преступления контрреволюционеров, саботажников и других преступных элементов. Рекомендуемые наказания, в основном, касались лишения преступников свободы, при этом максимальный срок наказания не оговаривался. Следствие при всех видах преступлений разрешалось до 48 часов, кассационное обжалование допускалось только в Наркомюсте.

Однако кассационных жалоб, как правило, почти не было. Дело не только в том, что из отдаленной губернии такая жалоба вообще не могла поступить в Москву, более важное значение имело другое обстоятельство: Советская власть пря-

мо подчеркивала классовую суть трибуналов как орудия диктатуры пролетариата. Журнал «Пролетарская революция и право» указывал, что «Революционные трибуналы создавались как органы не суда в подлинном смысле слова, а политической борьбы». Этой же мысли придерживались органы Советской власти на местах. Эту идею иллюстрирует письмо в Народный комиссариат юстиции, направленное 7 июня 1918 г. Союзом Северных коммун, где говорилось: «Трибунал по существу является орудием политической борьбы, а следовательно, судопроизводство в нем должно быть другого типа, чем в судебных учреждениях».

Всего же, по данным НКЮ РСФСР, за первое полугодие 1918 г. революционные трибуналы рассмотрели около 5 тыс. дел, что составляло 55% дел, разобранных всеми судами государства. Революционные трибуналы активно рассматривали дела об уголовных правонарушениях: за 1920 год народные суды рассмотрели 22,3% уголовных дел, при этом революционные трибуналы рассмотрели 35,3% дел, органы ВЧК – 30,4%. Остальные 12% рассмотренных уголовных дел были подсудны военным трибуналам. Народный комиссариат юстиции осуществлял надзор за законностью только в отношении судов общей юрисдикции, да и то в весьма ограниченных формах. Следовательно, по официальным данным, складывалась ситуация, по которой почти 78% рассмотренных уголовных дел разбирались в неподконтрольных никакому закону органах, осуществлявших неприкрытую диктатуру новой власти.

Новая экономическая политика (нэп) потребовала правовых изменений. В начале 1920-х годов Советское государство проводило кодификацию права. Были приняты нормативно-правовые документы – кодексы. Однако принципы судопроизводства отражались также помимо кодексов в других нормативных актах. Новым шагом в формировании права стало не только создание нормативной базы, но и постепенный, но очень осторожный отход от тотальной идеи «революционного правосознания» как основополагающего принципа судопроизводства.

В мае 1921 г. был принят декрет Совнаркома «Об ограничении прав по судебным приговорам». В этом документе впервые в советском праве уголовно наказуемым деянием упоминалась кража. До этого, в период Гражданской войны, уголовным преступлением, по советскому праву, считалось политическое деяние, опасное для системы общественных отношений. В соответствии с таким пониманием преступления, некоторые судьи первых лет советской власти порой прощали преступления выходцам из пролетарских слоев насе-

ления, при этом беспощадно карая представителей бывших эксплуататорских классов. Фактически государство до мая 1921 г. не определяло своего отношения к хищению имущества, отдавая тем самым гражданам на произвол уголовных элементов.

Курс борьбы с уголовными преступлениями был закреплен в июне 1921 г. совместным Декретом ВЦИК и СНК «О мерах по борьбе с хищениями с государственных складов». Этот документ предусматривал очень суровые наказания для преступников, включая смертную казнь. Интересно, что в этом документе не было и намека на снисхождение в связи с классовой принадлежностью уголовных элементов. А осенью 1921 г. Советское правительство приняло ряд декретов об амнистии, которой подлежали даже участники Гражданской войны из числа взятых в плен рядовых белогвардейцев.

В мае 1922 года ВЦИК принял Уголовный кодекс РСФСР, который был введен в действие в июне того же года. Документ устанавливал основания и пределы уголовной ответственности, признаки деяний, признаваемых преступлениями и меры наказания за них. Кодекс состоял из общей и особенной частей. По Кодексу, преступления делились на две группы: преступления, непосредственно направленные против советского строя, и преступления как пережитки старого строя, не представляющие прямого покушения на защищаемый строй. За преступления против советского строя следовали жесткие наказания и репрессии, а все прочие деяния квалифицировались как уголовные деяния. За них могла последовать принудительная работа без лишения свободы.

Помимо деления преступлений на две «неравные» группы, Кодекс содержал другие признаки «классового подхода» к осуществлению правосудия. Например, ст. 49 предусматривала наказание для лиц, «социально опасных», хотя и не совершивших никаких преступлений. Такими мерами Уголовный кодекс закреплял принцип классовой в судопроизводстве. А принцип «революционного правосознания» как главного определяющего фактора ведения судопроизводства еще долго фигурировал в советском праве.

Демократическое государство выдвигает требование равенства всех перед судом и законом, четкого регламентирования правовых норм. В случаях, когда суды руководствуются не письменными, ясно сформулированными законами, а некими правовыми идеями, идеологией, революционным сознанием, человек оказывается полностью зависимым от понимания тем или иным судьей идеи закона и справедливости. Тем самым

право подменяется произволом, или фактически – бесправием.

Очень важно не забывать событий нашей истории, которые показывают особое, «классовое», отношение к праву. Только внимательное изучение развития структуры права, судопроизводства, юстиции, анализ выбора путей развития в различные периоды истории может формировать сегодня правосудие, свободное от недоверия со стороны общественного мнения. Правовое демократическое государство, каким объявила себя Российская Федерация в Конституции 1993 года, обязано не только декларировать права и свободы граждан, не только устанавливать равенство всех перед законом и судом, но и реализовывать эти принципы и идеалы на практике.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2010.
2. Декрет о суде. – 1917. – № 1. – 22 ноября.
3. Декрет о суде. – 1918. – № 2. – 22 февраля.
4. Декрет о суде. – 1918. – № 3. – 20 июля.
5. Еженедельник советской юстиции. – М., 1927. – № 50.
6. Портнов, В.П., Славин, М.М. Становление правосудия Советской России. – М., 1990. – С. 16.
7. Пролетарская революция и право. – 1918. – № 1. – С. 37.
8. Пролетарская революция и право. – 1919. – № 1. – С. 54–55.